

Григорий Ельцов

**Антипостмодерн,
или**

Путь к славе одного писателя

Григорий Ельцов

**Антипостмодерн, или Путь
к славе одного писателя**

«Грифон»

2014

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ельцов Г.

Антипостмодерн, или Путь к славе одного писателя / Г. Ельцов —
«Грифон», 2014

Роман «Антипостмодерн...» – это злая и насмешливая книга, направленная на оскорбление современных течений в литературе, современного коммерческого искусства. Автор показывает, что за стремлением к новизне подчас скрывается комплекс неполноценности. Главный герой романа Артём Соловьёв мечтает когда-нибудь стать писателем. Правда, он никак не может определиться с тем, какого рода книги ему писать. Его взгляды на литературу постоянно меняются, причём как будто не по воле самого Соловьёва, а каким-то таинственным образом. Так к чему же идёт Соловьёв? Не придётся ли ему сожалеть потом? Роман «Антипостмодерн...» – это ещё и насмешка над некоторыми идеями гуманистической психологии. Автор на примере своего героя показывает, как «реализация своего проекта» (Жан-Поль Сартр) лишь ослепляет человека, делает его неспособным замечать мгновения счастья и вообще способна полностью испортить жизнь и превратить её в один сплошной мазохизм. Потому что человек, по мнению автора, – и эту идею он позаимствовал у классиков психоанализа, – лишь художник своей жизни, а его так называемый стиль жизни (проект, по Сартру) – это всего лишь краски. Роман «Антипостмодерн...» доказывает, что эти краски не всегда удачно ложатся на холст.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Ельцов Г., 2014

© Грифон, 2014

Содержание

Литературный авторитет	7
Детство	8
Юность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Григорий Ельцов
Антипостмодерн, или путь
к славе одного писателя
Роман

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга издаётся в авторской редакции.

© Ельцов Г., 2014

Литературный авторитет

Картины – говно, художники – пидо... сы проклятые.
Никита Хрущёв

Детство

Артём, пойдём с нами в библиотеку, – сказала мать Соловьёву.

Это было летом в деревне; Соловьёву тогда было восемь лет. Уже в таком юном возрасте его приобщили к миру литературы, к миру книг. С тех пор книги прочно вошли в его жизнь. Но сам Соловьёв всегда говорил, что любовь к литературе появилась у него с самого рождения.

– Не пойду я в библиотеку, – заупрямился Соловьёв, занятый лепкой из глины различных фигурок.

– Пойдём-пойдём, – настаивала мать. – Почитать возьмёшь себе что-нибудь. Это интересно. И полезно. Или ты думаешь, что будущим скульпторам читать не нужно?

Соловьёв образца восьми лет вообще не думал о том, что он кем-то когда-то станет. Но ему было приятно слышать слова матери, назвавшей его будущим скульптором. Захотелось сделать приятное человеку, который сделал приятное ему.

– Ладно, пойдём. – Так говорят люди, не сомневающиеся в том, что они занимаются великим делом и что все другие дела – полная ерунда.

До библиотеки надо было идти минут двадцать по тропинке, которая в дождливую погоду всегда была усеяна лужами, перепрыгнуть которые порой бывало очень проблематично. Но в этот день было сухо; жара стояла под тридцать градусов, и это поднимало настроение Соловьёва во время пути в библиотеку. Кроме матери туда пошли его сёстры – одна родная, другая двоюродная. Обе они были старше Соловьёва и в деревенскую библиотеку ходили уже не раз. Родная сестра Маша была старше Соловьёва на три года. И поскольку она была родная и привычная, Соловьёв не считался с её мнением. А вот мнением двоюродной сестры Инны Соловьёв дорожил – и потому, что она была старше его на целых двенадцать лет, и потому, что она была чужая, а значит, то, что делает она, – хорошо. Поэтому Соловьёв чувствовал себя в библиотеке легко, так, как будто он был там завсегдатаем. Если бы не двоюродная сестра, Соловьёв бы, наверное, вообще не рискнул выбрать себе какую-нибудь книгу; он понятия не имел, что такое книги и с чем их едят. Не будет ли он выглядеть дураком, если выберет эту книгу? Или он будет выглядеть дураком уже потому, что вошёл в библиотеку? Да нет, Инна же здесь, успокаивал себя Соловьёв.

В библиотеке Соловьёв долго изучал книги, смотрел, есть ли в той или иной книге картинки, а если есть, то какие они. По картинкам Соловьёв пытался определить, достойна ли та или иная книга быть прочитанной им. Самое интересное, что Соловьёву начинало казаться, что он уже разбирается в детской литературе. Иначе как объяснить то, что Соловьёв авторитетно заявил Маше, когда та указала ему на книгу под названием «Земленыр»:

– Да ну! Мне не нравится. Слишком разрисована.

– Да откуда ты знаешь? – недоумевала Маша. – Я в прошлом году читала, и мне очень понравилось. И тебе тоже должно понравиться. У всех же одинаковые вкусы.

Соловьёва взбесили слова Маши. Почему она думает, что он ничего не знает? Почему она приравнивает его к себе? Да никогда в жизни он не будет читать этого «Земленыра»!

Соловьёв решил выбрать книгу, называвшуюся «Приключения Травки». Уж больно хороши были картинки в этой книге, и новоявленному читателю на самом деле казалось, что книга должна быть интересной. Второй книгой, которую выбрал Соловьёв, были рассказы о всяких экспедициях в леса. На обложке этой книги была нарисована какая-то птица, сидящая на суке. Выбрал эту книгу новоявленный читатель потому, что она, как казалось Соловьёву, является противоположностью «Земленыра», которого рекомендовала Соловьёву его родная сестра. Обложка в выбранной Соловьёвым книге была, что называется, скромной, не то что в «Земленыре», яркая обложка которого так и бросалась в глаза. К тому же «Земленыр» был новым, а книга Соловьёва – достаточно потрёпанной, а ему казалось, что та книга, которую

можно выбрать, чтобы не показаться в глазах библиотекарши каким-нибудь неправильным, должна быть именно потрёпанной. Чтобы убедиться в том, что его выбор не должен удивить библиотекаршу или ещё кого-то, Соловьёв показал выбранные книги Инне. По выражению лица Инны было сложно что-либо понять, но для Соловьёва было важно, что Инна не сказала ничего такого, что позволило бы ему усомниться в правильности своего выбора. Да-да, вопрос стоял перед Соловьёвым именно такой: правильный он сделал выбор или нет? Понравятся ли ему выбранные им книги или нет – такой вопрос Соловьёва практически не волновал.

– Ну вот, а ты не хотел идти, упрямылся, – сказала мать, когда они вышли из душевной библиотеки на ещё более душную улицу. – Кстати, сегодня может приехать автолавка. Купить бы надо что-нибудь.

Соловьёву казалось ненормальным то, что мать сейчас говорит о какой-то автолавке, а не о том, какие он выбрал книги в библиотеке. Ведь с таким трудом ему дался его выбор! С одной стороны, Соловьёву хотелось поговорить о выбранных им книгах, но с другой – он боялся об этом говорить, так как ещё не был уверен, что сделал правильный выбор. И сомнениям его не суждено было развеяться даже после второго посещения библиотеки.

В первую очередь Соловьёв прочитал «Приключения Травки», и эта книга ему на самом деле очень понравилась. Он любил её читать, загораая перед домом. Любил читать в дождливую погоду, сидя возле горящей печки и слушая, как трещат дрова, а в окна стучит дождь. Пока Соловьёв читал «Приключения Травки», ему не бросалось в глаза равнодушие родственников, которые, казалось, не замечали, что он читает. Процесс чтения увлёк Соловьёва, и ему самому казалось, что нет ничего более естественного, чем сидеть на лавочке перед домом или возле печки и читать интересную книжку.

Но «Приключения Травки» быстро закончились. Соловьёву самому показалось удивительным, как он так быстро прочитал книгу. Но мать и Инна, похоже, не замечали успехов Соловьёва в покорении мира литературы. И ребёнку, прочитавшему первую в жизни большую книжку, было обидно равнодушие близких. Только Маша сказала Соловьёву:

– Может, мне тоже прочитать «Приключения Травки». Я вижу, тебе понравилось: ходишь весь счастливый.

Но Соловьёву не хотелось говорить родной сестре, как ему понравилась книга и как быстро он её прочитал. Вот Инна – это другое дело; ей Соловьёв поспешил рассказать:

– А я прочитал одну книгу. Интересно, между прочим.

– Прочитай вторую, – только и ответила Инна.

Соловьёв ждал, конечно, несколько другой реакции от двоюродной сестры, но советом её он поспешил воспользоваться. Вторая книга была начата. Книга эта была менее объёмной, чем «Приключения Травки», но, несмотря на это, читал её Соловьёв значительно дольше. Возможно, Соловьёв вообще не дочитал бы её, если б ему не казалось, что эта книга является антиподом «Земленыра», так понравившегося Маше. Теперь, когда Соловьёв сидел перед печкой с книгой в руке, он больше смотрел на огонь, чем в книжку. Да и вообще Соловьёву требовалось сделать волевое усилие, чтобы вернуться к чтению, впрочем, в отсутствии воли Соловьёва никогда нельзя было обвинить. При этом вид у него был, должно быть, какой-то не такой, иначе как объяснить то, что мать ему как-то сказала:

– Что это ты там читаешь? Вид у тебя какой-то напряжённый.

Соловьёв показал матери, что он читает. Та не стала высказывать своего мнения по поводу книги, только спросила:

– Интересно?

Соловьёв сказал, что да, интересно, хотя самому хотелось, чтобы поскорее настало время обедать, чтобы появилась уважительная причина бросить читать скучную книгу.

По вечерам вся семья собиралась на кухне за столом и читала. Соловьёв тоже читал. И иногда он зачитывал вслух те моменты, которые, как казалось ему, были наиболее удачными.

Например, если было написано, что такой-то зверь живёт там-то, Соловьёв говорил своим родным:

– Оказывается, такой-то зверь живёт там-то. А я думал, что он живёт только там-то.

Таким образом Соловьёв хотел подчеркнуть, что книга, выбранная им в библиотеке, весьма познавательна, а значит, читает он её не зря.

Инна как-то заметила:

– Такие книги, как мне кажется, стоит читать в более позднем возрасте. Тебе интересно? Взял бы лучше Успенского. Помню, мне очень нравились «Гарантийные человечки». Ну или «Простоквашино». Тебе должно понравиться.

– Мне и эта нравится, – поспешил заверить Соловьёв.

В следующий раз Соловьёв взял почитать в библиотеке сборник Успенского, в котором были три произведения – «Чебурашка», «Простоквашино» и «Гарантийные человечки», и другую книгу, которую никто не читал и никто не советовал ему прочитать, но которая, однако, привлекла Соловьёва, возможно именно тем, что ни Инна, ни Маша, ни мама её не читали и вообще ничего о ней не слышали. Между первым и вторым посещениями Соловьёвым библиотеки произошло важное событие – Маша прочитала «Приключения Травки» и поделилась с Соловьёвым своим мнением:

– Конечно, интересно, но уж слишком по-детски.

– А вот эту книгу ты не хочешь почитать? – предложил Соловьёв почитать Маше рассказы об экспедициях.

– Мне кажется, ерунда.

– А мне нравится.

– Ну и читай.

В первую очередь Соловьёв решил прочитать Успенского. Книга ему понравилась, особенно третье произведение – «Гарантийные человечки». И это привело Соловьёва в восторг. У него точно такой же вкус, как у Инны! Конечно же, «Гарантийные человечки» стали его любимой книгой. «Приключения Травки», конечно, тоже ничего, но, пожалуй, действительно они слишком по-детски написаны, поэтому даже рассказы об экспедициях будут получше, но не настолько эти рассказы хороши, чтобы сравниться с «Гарантийными человечками» и другими произведениями Успенского. Так думал Соловьёв, создавая в уме иерархию прочитанных им книг.

Другая книга Соловьёву тоже как будто понравилась, по крайней мере, он сам так считал. В иерархии прочитанных им книг эта другая книга расположилась на третьем месте, уступая только двум великим произведениям Успенского. После третьего захода Соловьёва в библиотеку эта другая книга опустилась на четвёртое место, а к концу лета вообще выпала из списка прочитанных Соловьёвым, потому что он забыл, как она называется и вообще о чём она.

Зато Соловьёву надолго запомнились «Бэмби» и «Земленыр» – книги, взятые им в библиотеке в третий заход. «Бэмби» оказался третьим сверху в иерархии прочитанных Соловьёвым книг, а «Земленыр», взятый Соловьёвым после долгих раздумий, – третьим снизу, но и это чудо, так как, читая «Земленыра», Соловьёв всё время норовил найти повод назвать эту книгу детской или простой. В итоге же «Земленыр» опередил даже рассказы об экспедициях. И получилось так, что две книги, прочитанные Соловьёвым первыми, оказались в подвале выстроенной им иерархии, несмотря на то что, именно читая «Приключения Травки», Соловьёв понял, что читать бывает очень даже интересно. Получалось, что каждая новая прочитанная Соловьёвым книга казалась ему чем-то лучше прочитанных ранее.

Ещё несколько раз Соловьёв ходил в библиотеку этим летом, но лучше Успенского и «Бэмби» ему ничего не попадалось в руки, даже несмотря на то, что в каждой новой книге Соловьёв пытался найти какие-нибудь достоинства. Но так как достоинств в этих книгах было немного, то Соловьёв стал считать достоинством недостатки. Не мог же он признаться, что

сделал в библиотеке неправильный выбор и что он тратил время на чтение бессмысленной литературы.

Под самый конец лета Соловьёв посчитал, что он дорос до взрослых книг, и взял почитать «Похитителей бриллиантов» Луи Буссенара, однако же, как Соловьёв ни старался, дочитать до конца эту книгу ему не удалось.

Конечно, помимо чтения у Соловьёва были и другие развлечения. Он общался со своим ровесником – Серёгой Волковым, деревенским парнем. Серёга был соседом Соловьёва, и виделись они каждый день. Но далеко не каждый день они вместе играли во что-нибудь, так как Соловьёв очень часто предпочитал играм с другом чтение книг. Причём, когда Соловьёв читал что-нибудь захватывающее вроде «Приключений Травки», «Гарантийных человечков», «Земленыра» или «Бэмби», он больше проводил времени со своим другом. Но когда Соловьёв читал скучные книги, ему казалось, что он не заслуживает права пойти играть с другом. Тогда ему казалось, что он должен читать как можно больше. Чувство неудовлетворённости не покидало Соловьёва, пока он читал скучные книги. И так как скучных книг попадалось ему в руки всё же больше, чем интересных, то с другом со своим Соловьёв играл не часто.

Но когда всё-таки они играли вместе, Соловьёв любил сказать что-нибудь вроде: «Я вчера читал книгу, там было написано, как охотники строили шалаш». Причём Соловьёв сам подводил разговор к тому, чтобы у него появился повод рассказать другу, что он прочитал. И Соловьёву нравилось больше говорить Серёге о скучных книгах, которые он сам плохо понимал или не понимал вовсе, зато считал их полезными, да и вообще гениальными. Ему нравилось то, что Серёга не может задать какой-нибудь вопрос. Например, кто автор этой книги? О чём эта книга? Чем она тебе понравилась? Серёга никогда даже не пытался что-нибудь уточнить – например, из каких веток делали охотники тот шалаш. И уж тем более Серёга никогда не просил дать ему почитать эту книгу, которую Соловьёв упоминал. За это всё Соловьёв любил Серёгу, любил рассказывать ему о прочитанных книгах.

Иногда Серёга и Артём ходили гулять на другой конец деревни, туда, где было больше детей их возраста и старше и где было веселее. Там они играли с другими пацанами и девчонками в казаки-разбойники или ещё какие-нибудь игры. В играх этих Соловьёв был отнюдь не лидером. Например, когда играли в казаки-разбойники, Соловьёв никогда не мог никого поймать и начать пытать. Ему казалось это диким и ужасным, ведь практически ни одна игра не обходилась без того, чтобы кто-нибудь не подрался или хотя бы не поссорился. Неужели заняться больше нечем?! – недоумевал Соловьёв. Но тем не менее он продолжал иногда ходить на другой конец деревни, чтобы опять поиграть в какие-нибудь жестокие игры. Никогда Соловьёв не пытался задать ребятам вслух этот вопрос – неужели нечем больше заняться? Соловьёва больше всего удивляло то, что даже Серёга Волков, который обыкновенно бывал застенчивым и нерешительным, особенно в присутствии взрослых, во время игры в казаки-разбойники как будто переставал быть самим собой; несколько раз Соловьёв видел откровенную жестокость на лице Серёги, о существовании которой он и не подозревал. Соловьёва Серёгина жестокость так поразила, что он даже стал бояться своего друга, но потом его страхи прошли, когда он понял, что Серёга ведёт себя с Соловьёвым не так грубо, как с другими пацанами.

Также Соловьёв развлекал себя общением с дядей Ваней, который на выходные приезжал из Москвы к другим соседям. Дядя Ваня, в отличие от всех взрослых, практически не пил спиртного. Просыпался он всегда рано, притом что ложился довольно поздно. Дядя Ваня постоянно придумывал различные мероприятия, целью которых было, прежде всего, провести время как можно веселее, так, чтобы потом все могли вспоминать эти мероприятия и гордиться ими. Причём казалось, что самому дяде Ване не очень-то и интересны были его затеи, но что главное для него – это то, что другим весело и что другие счастливы. Другие – это, конечно же, дети, потому что именно для детей дядя Ваня и старался. И в отличие от других взрослых, которые тоже частенько старались разнообразить досуг детей, дядя Ваня всегда был

лёгок на подъём; ему не надо было выпить водки для того, чтобы начать играть с детьми. И играл с детьми он, как правило, до тех пор, пока не надоедало детям, а не до тех пор, пока собутыльники не позовут его пить на терраску или ещё куда. И вообще казалось, что с детьми дяде Ване общаться намного интереснее, чем с взрослыми. У него самого была пятилетняя дочь Настя, но, даже когда Настя спала днём, дядя Ваня продолжал развлекать детей со всей округи, в отличие от всех других взрослых, которые, прежде всего, думали только о своих детях, как будто не замечая существования других. Впрочем, эти взрослые могли замечать только физическое существование даже своих собственных детей. О том, что у этих детей есть под черепной коробкой нечто такое, что позволяет думать, переживать, запоминать, познавать, радоваться, огорчаться, все эти взрослые вряд ли могли догадаться по причине слабого развития собственного этого нечто.

Соловьёв, Серёга Волков и другие дети – и те, кто помладше, и те, кто постарше, – ходили с дядей Ваней на рыбалку на пруд, на речку ловить раков, в какую-нибудь заброшенную деревню, или заброшенный сад, или ещё куда-нибудь. И все без исключения дети ждали долго этих походов, готовились к ним, как к какому-нибудь необычному дню, например Новому году. Но ещё дольше дети помнили об этих походах.

Соловьёв иногда приходил домой после очередного похода и говорил своим родным что-нибудь вроде:

– Вы знаете, какие там вкусные яблоки растут! Надо туда ещё как-нибудь сходить.

Родные Соловьёва отвечали только:

– Ну сходи ещё раз.

А когда Соловьёв побывал там во второй раз и поспешил рассказать об этом своим родным, те полюбопытствовали:

– А когда ты там был в первый раз?

– Да я же рассказывал, – обиженно говорил Соловьёв.

Дядя Ваня отличался от всех взрослых ещё и тем, что у него была очень хорошая память. В этом Соловьёв убедился после того, как дядя Ваня сказал Соловьёву во время строительства шалаша:

– Ну ты, Артём, должен знать, наверное, как строить шалаш: ты же любишь читать приключенческие рассказы.

Дядя Ваня как-то проходил мимо Соловьёва, читающего рассказы об экспедициях на лавочке перед домом. Мужчина поинтересовался, что это там читает Соловьёв. Юный читатель ответил:

– Рассказы об охотниках. – Соловьёв старался говорить так, чтобы у дяди Вани не осталось никаких сомнений, что ему нравится читать эту книгу.

Почему-то говорить с дядей Ваней о прочитанных книгах Соловьёву не хотелось, и он обрадовался тому, что мужчина только кивнул и пошёл дальше. Соловьёву показалось, что из головы дяди Вани тут же вылетела информация, которую он ему сообщил. Но это, оказывается, было не так.

– Да там вроде никто не строил шалаша.

– Что это за рассказы об охотниках такие? Кто автор-то, не помнишь? И где проходило действие этих рассказов?

Соловьёву было стыдно признаться, что он даже не знает автора рассказов, которые ему якобы понравились. Как же Соловьёву было неприятно разговаривать с взрослым адекватным мужчиной о том, о чём Соловьёв любил разговаривать со своим приятелем Серёгой Волковым! Получалось, что то, что давало Соловьёву некую интеллектуальную власть над одним, делало его посмешищем в глазах другого.

К счастью, дядя Ваня слишком хорошо разбирался в мыслях и чувствах детей и сам поскорее сменил тему, причём сделал это так, что Соловьёв даже перестал гореть от стыда.

После этого случая Соловьёв старался не попадаться с книгой в руках на глаза дяди Вани. Впрочем, когда Соловьёв читал интересную книгу, которую он понимал и о которой он мог разговаривать свободно, он не боялся попасться на глаза дяди Вани. Однажды дядя Ваня увидел, что Соловьёв читает Успенского.

– Мне, помню, в детстве нравилось читать Успенского, – сказал дядя Ваня. – Кстати, я вижу, ты главный читатель у нас в деревне. Я не видел, чтобы другие читали. Давай приучай всех остальных ходить в библиотеку. Впрочем, можно будет сходить нам всем вместе, когда у меня будет отпуск.

Соловьёву было приятно слушать, как его называют главным читателем. Понятное дело, после этих слов дяди Вани Соловьёв ощутил себя прямо специалистом в области литературы.

Отпуск у дяди Вани был в начале августа, к тому моменту Соловьёв уже успел освоиться в библиотеке и чувствовал себя там как дома. Дяде Ване удалось уговорить пойти в библиотеку и Серёгу Волкова, который до этого, как выяснилось, не прочитал ни одной книги. Дядя Ваня ломал голову над тем, что взять почитать Насте.

– Не посоветуешь ничего как читатель читателю? – обратился дядя Ваня к Соловьёву. – Ты, наверное, лучше меня знаешь, какие произведения интересно читать в пять лет. Я полностью полагаюсь на твой авторитет.

Соловьёв от этих слов почувствовал себя в библиотеке ещё больше по-хозяйски, и, хотя в пять лет он не читал и ему никто не читал, всё же с важным видом принялся подбирать сказки для Насти, полагая, что обладает достаточной проницательностью, чтобы определить, понравится ли пятилетней девочке та или иная сказка. Наконец Соловьёв определился с выбором книг для Насти и принялся выбирать книги себе, но дядя Ваня попросил Соловьёва помочь с выбором Серёге Волкову, который стоял на одном месте с потерянными глазами.

– Найди ему Успенского, пусть почитает. С Успенского хорошо начинать, – сказал дядя Ваня.

Если бы дядя Ваня не сказал этого, Соловьёв вряд ли бы выбрал для Серёги Волкова Успенского или ещё какую-нибудь понравившуюся ему самому книгу. Соловьёв полагал, что те книги, которые нравятся ему самому, нравятся ему только потому, что он такой умный и взрослый, как Инна или ещё кто-то, и что другим детям его возраста эти книги, конечно же, не понравятся. В итоге же в руках Серёги оказалась та книга, которая очень понравилась самому Соловьёву.

Себе Соловьёв в этот день выбрал как раз «Похитителей бриллиантов» и какую-то другую книгу, которую он хоть и дочитал до конца, но довольно быстро забыл, о чём она.

Теперь одним читателем в деревне стало больше, так как к их числу добавился Серёга Волков. Правда, Серёга читал медленно-медленно, но всё же к концу лета он прочитал «Простоквашино» и «Гарантийных человечков». Об этом Соловьёв узнал, задав Волкову конкретный вопрос. О том, понравилось ли Серёге читать, Соловьёв не стал спрашивать. Однако из разговора Волкова с дядей Ваней, который состоялся в самом конце лета, Соловьёв понял, что книга Серёге понравилась. Волков говорил своему собеседнику что-то вроде: «Мне больше всего понравилось, когда они...» А дядя Ваня, у которого память, похоже, работала феноменально, говорил: «А именно в этой книге было такое...» И Волков отвечал, что да, данный момент был в этой книге и он ему тоже весьма запомнился. Соловьёву слушать этот разговор дяди Вани и Волкова не нравилось. Больше всего Соловьёва расстраивало то, что Волков говорил легко и непринуждённо, в то время как сам Соловьёв, разговаривая с дядей Ваней о рассказах об охотниках, мягко говоря, сплеховал. Не ожидал он, что Серёга может с кем-либо разговаривать о книгах, тем более с дядей Ваней. Впрочем, успокаивал себя Соловьёв, это всего лишь детская книга, о которой сам дядя Ваня говорил, что с неё хорошо начинать. Он, Соловьёв, уже прочитал много разных книг, в том числе и тех, которые читают более взрослые. Например, рассказы об экспедициях. После того как Соловьёв узнал, что Волкову понравилась

вилось читать, он всё же решил дочитать до конца «Похитителей бриллиантов», но у него это не вышло.

Вместо того чтобы читать книгу, он уходил вместе с Серёгой Волковым на другой конец деревни играть в различные игры с другими ребятами. Так было в течение последней недели пребывания Соловьёва в деревне. И без этой недели летние каникулы не были бы столь запоминающимися. Соловьёв даже стал жалеть, что раньше так мало ходил играть с другими ребятами, а вместо этого читал книги или гулял один или с Серёгой Волковым возле дома. Столько всяких событий произошло в эту неделю! И с этими событиями, с этими играми и забавами не могли сравниться даже те мероприятия, которые организовывал дядя Ваня для развлечения детей. Именно в эту последнюю неделю Соловьёв ощутил всю прелесть жизни в деревне, всю прелесть свободы от всяких утомительных занятий, которыми по неведомым причинам полна любая человеческая жизнь. Все эти игры на свежем воздухе, пакости взрослым, сложность социальных отношений, которая забавляла Соловьёва, заставили его на какое-то время забыть о книгах – неоконченных и оконченных. Если бы до окончания деревенского сезона оставалось хотя бы две недели, то Соловьёв обязательно пошёл бы ещё в библиотеку, обязательно взял бы ещё что-нибудь почитать и сидел бы вечерами, как и обычно, за кухонным столом, не подозревая о том, какая интересная жизнь вокруг. Но так как оставалась всего лишь неделя, то у Соловьёва была уважительная причина позволить себе отдохнуть от чтения, так как за неделю он ничего бы не успел прочитать. Соловьёву даже перестали казаться дикими и нецивилизованными некоторые развлечения, такие как игра в казаки-разбойники. Сам он, конечно, по-прежнему не мог никого пытать, но ведь и к нему тоже мучители относились более благосклонно, чем к более изощрённым пытателям.

* * *

В Москве Соловьёв на время забросил своё увлечение книгами, хотя в домашней библиотеке было полно книг – и детских, и взрослых. Компьютер, телевизор, школа, уроки и гулянки с московскими друзьями занимали всё время Соловьёва.

Что касается успеваемости Соловьёва в школе, то она была средней. По многим предметам Соловьёв отставал от своих одноклассников. Например, он не умел рисовать, и по ИЗО у него всегда были одни тройки; с математикой тоже были определённые проблемы. Зато он умел быстро читать, а самым любимым его предметом было естествознание, правда, так как Соловьёв не умел рисовать, то и по естествознанию у него бывали плохие отметки. Например, когда надо было рисовать цепочку питания. Однажды учительница естествознания сказала Соловьёву:

– Художником тебе, похоже, никогда не стать, но у нас не урок изобразительного искусства, поэтому в этой четверти я поставлю тебе пятёрку. Будущим биологам или химикам рисовать уметь не обязательно, правильно? – И учительница одарила Соловьёва улыбкой.

И как Соловьёву было приятно слышать эти слова! Теперь ему было плевать на отметки по ИЗО. Теперь он представлял себя будущим биологом. И это незамедлительно сказалось на его досуге. По телевизору каждый день в одно время показывали фильмы Национального географического общества, и Соловьёв стал их регулярно смотреть. Даже когда друзья звали его гулять, Соловьёв не уходил из дома до тех пор, пока фильм не заканчивался. Надо сказать, что смотреть фильмы про животных Соловьёву нравилось на самом деле, поэтому он с нетерпением ждал того часа, когда их показывали. Кроме этого, Соловьёв стал смотреть научные фильмы о космосе, о физике элементарных частиц. Да и вообще если у Соловьёва и были какие-то способности к чему-либо, то, скорее всего, к изучению естественных наук. Да и то эти способности были настолько слабо выраженными, что были навек погребены под нагромо-

дениями творческой силы – самости – этой силы, которая позволяет человеку, что называется, вылепливать свой собственный образ по собственному усмотрению.

Также Соловьёв начал читать трёхтомник Брэма, который как-то купил отец, правда, это занятие скоро наскучило Соловьёву, и он забросил Брэма, а вместо этого стал читать приключенческие романы. И постепенно чтению Соловьёв вновь начал уделять столько же внимания, сколько уделял ему в деревне.

В пятом классе появился предмет ознакомление с окружающим миром, который стал любимым у Соловьёва. Чтение приключенческой литературы и просмотр фильмов Национального географического общества позволили Соловьёву каждый раз получать на этом уроке пятёрки. Однажды учительница рассказывала что-то про муху цеце и в связи с этим речь зашла о романе Луи Буссенара «Похитители бриллиантов».

– Кто-нибудь читал этот роман? Помните, что произошло, когда на героев напал целый рой этих насекомых?

Соловьёв незамедлительно воскликнул:

– Я читал!

– И что же там произошло? – задала вопрос учительница.

Соловьёв ступешался. Да, он пробовал читать роман «Похитители бриллиантов», но до конца он его так и не сумел дочитать; до того момента, когда герои наткнулись на муху цеце, он также не дочитал. Но всё-таки он не мог признаться, что роман не был дочитан им; ему самому даже начинало казаться, что он дочитал этот роман.

– Ой, я не помню, – ответил Соловьёв. При этом он боковым зрением смотрел на своих одноклассников, которые, как ему казалось, должны были смотреть на него. Но одноклассникам, похоже, было плевать на Соловьёва. На их скучных лицах ничего не было написано; единственное, что могло занимать их в эту минуту, – это время, оставшееся до конца урока. Но Соловьёву от этого легче не становилось.

Учительница продолжила рассказывать о мухах цеце. Соловьёву стало стыдно. Почему он не дочитал эту проклятую книгу до конца или хотя бы до того момента, про который рассказывала учительница? Ведь эта книга наверняка интересная и полезная, если про неё говорит учительница ознакомления с окружающим миром. Он начал корить себя. Впрочем, это длилось недолго, так как Соловьёв вскоре пришёл к выводу, что «Похитителей бриллиантов» он не дочитал до конца не потому, что ему было неинтересно, а потому, что его отвлекали деревенские друзья. «Всё, больше никогда не буду с ними водиться», – решил Соловьёв.

Придя в этот день домой, Соловьёв стал искать в домашней библиотеке «Похитителей бриллиантов». Он знал, что эта книга есть у них дома: отец рассказывал о ней. Соловьёв засел за чтение. Довольно быстро он дочитал роман до конца. Конечно же, он ему очень сильно понравился; Соловьёв недоумевал, как он мог в деревне не дочитать его до конца, а вместо этого играл со своими друзьями во всякие тупые игры. Теперь Соловьёву было необходимо сделать так, чтобы учительница ознакомления с окружающим миром убедилась, что он дочитал до конца «Похитителей бриллиантов» и что этот роман очень сильно ему понравился. Для этого ему пришлось во время уроков ознакомления с окружающим миром внимательно вслушиваться в каждое слово учительницы, чтобы не пропустить удобного шанса доказать, что он читал «Похитителей бриллиантов». Рассказ учительницы потерял для Соловьёва всякий смысл; теперь он не пытался следить за его логикой; теперь значимыми стали для него только отдельные фразы.

Удобный случай представился Соловьёву, когда речь зашла о том, какие страшные животные крокодилы.

– Луи Буссенар об этом писал, – поспешил сказать Соловьёв.

– О крокодилах писали, по-моему, все авторы приключенческих романов. А что именно было у Буссенара, я не помню. Напомни мне, Артём, – сказала учительница.

И тут Соловьёв понял, что он даже не может пересказать этот эпизод с крокодилом, который был в романе Луи Буссенара. Снова ему пришлось краснеть, снова ему пришлось отвечать, что он не помнит. Одно Соловьёва радовало: одноклассникам его оплошности, похоже, не казались такими ужасными, какими они казались самому Соловьёву.

Из-за того, что Соловьёв перестал следить за рассказом учительницы, дабы не упустить удобного шанса произвести на неё впечатление, отметки у него стали хуже, поэтому ознакомление с окружающим миром и естествознание уже не казались Соловьёву самыми важными в мире предметами. А «Похитители бриллиантов» вдруг перестали нравиться Соловьёву. Да и вообще этот роман показался Соловьёву не заслуживающим внимания. Вот Рафаэль Сабатини – это значительный писатель; Жюль Верн – значительный писатель, да и то только в своём жанре. А Луи Буссенар даже в своём приключенческом жанре не является лучшим, не случайно Соловьёв не дочитал его в первый раз. И это мнение его окрепло после разговора летом в деревне с дядей Ваней.

– Ты ещё не надумал читать зарубежную классику? – поинтересовался дядя Ваня. – Или, может, даже русскую, хотя русская, мне кажется, потяжелее. Уже пора переходить на что-то более серьёзное. Или ты так и будешь читать приключенческие романчики?

Соловьёва воодушевили эти слова дяди Вани. Он помнил, как он сплеховал, разговаривая с дядей Ваней о рассказах об охотниках; он помнил, как он сплеховал дважды на уроках ознакомления с окружающим миром, разговаривая о «Похитителях бриллиантов». Конечно же, это произошло потому, что создан для того, чтобы разбираться в более серьёзных и в более тяжёлых вещах. А детскую литературу пускай читают серёги волковы, приключенческую – люди, занимающиеся естествознанием. А он человек, наделённый литературным талантом, ярко выраженный гуманитарий. Ведь не случайно у него пятёрки только по литературе, русскому языку и истории.

И после этих слов дяди Вани фильмы Национального географического общества вышли из сферы интересов Соловьёва. Даже несмотря на то, что просмотр этих фильмов доставлял Соловьёву эстетическое удовольствие, чего нельзя было сказать о чтении книг. Из всех книг, которые Соловьёв прочитал, по-настоящему ему нравилась примерно одна четверть. Остальные книги Соловьёв читал только потому, что считал себя обязанным много читать всё подряд, ведь он же человек с гуманитарным складом ума. И, сознавая себя ярко выраженным гуманитарием, Соловьёв представлял себя защищённым от укоров со стороны учительницы по ознакомлению с окружающим миром, укоров за то, что он не способен оценить по достоинству приключенческий роман Луи Буссенара, о чём свидетельствует его забывчивость.

* * *

Лучшим другом Соловьёва был Андрей Растворцев, учившийся в параллельном классе. С Растворцевым Соловьёв познакомился случайно во дворе, когда гулял один. Это случилось, когда обоим было по восемь лет. Андрей первым начал разговаривать. Соловьёва удивляло, как это некоторые могут так спокойно подходить к незнакомым людям и предлагать им дружить. Сам он на такое вряд ли когда отважился бы. Ему казалось, что для того, чтобы с кем-то дружить, нужно эту дружбу заслужить, то есть нужно пробудить у другого человека интерес с помощью определённых поступков, определённых действий. Но оказалось, что можно подружиться просто так. Соловьёв был рад этой дружбе. Его жизнь сразу как будто наполнилась яркими событиями, когда у него появился друг. До этого Соловьёв всё время гулял один. Исключения составляли те случаи, когда после уроков он с одноклассниками шёл куда-нибудь играть. Но с одноклассниками Соловьёву не нравилось играть. Одноклассники казались Соловьёву слишком привычными. К тому же одноклассники знали слабые стороны Соловьёва, а Соловьёву это не нравилось, и он не сомневался, что никогда уже не сможет выглядеть

в глазах одноклассников человеком без слабых сторон, человеком полноценным. Другое дело незнакомые люди. Вот для них-то и стоит стараться. Правда, рано или поздно в наших глазах даже самое оригинальное становится привычным и обыкновенным, но самолюбованию это не помеха; оно всегда может найти себе оправдание. Может, в конце концов когда-нибудь землю посетят инопланетяне или какие-нибудь потусторонние силы, вот для них-то и стоит стараться, вот они-то и способны оценить наши деяния по достоинству. Но Соловьёву до мыслей об инопланетянах было ещё далековато.

У Андрея Растворцева было много друзей, и он познакомил с ними Соловьёва. Соловьёву нравилось пополнять коллекцию своих друзей, но самым лучшим другом его оставался Растворцев – возможно, потому, что Соловьёв хотел быть похожим на него – общительного, влиятельного, обладающего организаторскими способностями. Дружеское чувство, которое Соловьёв испытывал к Растворцеву, было лишено всякой фальши. Андрея Соловьёв всегда был рад видеть; общаться с ним было одно удовольствие. Андрей был отличником, и Соловьёву казалось, что Растворцев должен любить разговоры на тему школы, различных школьных предметов, что он должен постоянно думать только об образовании и всем, что связано с образованием. Поэтому Соловьёв частенько заводил разговоры с Растворцевым на тему учёбы. И каково же было его удивление, когда он видел равнодушие на лице своего друга во время этих разговоров! Казалось, тема учёбы была единственной темой, разговаривать на которую у Растворцева не было ни малейшего желания. И это резко отличало Растворцева от Соловьёва. Однако это никак не разъединяло двоих друзей.

Растворцев познакомил Соловьёва с Ромой Сеницыным. Это был, так же как Растворцев, весьма общительный мальчик, способный организовывать различные мероприятия. И так же, как Соловьёв, Сеницын любил читать. Но было что-то в Сеницыне отталкивающее; нередко он говорил что-то бессвязное или, по крайней мере, то, что казалось бессвязным младшеклассникам. И за это его не сильно любили. Однако Соловьёв был не склонен ставить в упрёк Сеницыну его любовь к пространным речам, в которых никто не находил смысла. Соловьёв стал считать Сеницына творческим человеком, и об этом он твердил друзьям, когда те говорили что-нибудь вроде: «Да ну этого Сеницына, ещё начнёт говорить какую-нибудь ерунду». Подобная защита Соловьёвым Сеницына объяснялась, конечно, вовсе не тем, что Соловьёв был добрым и не склонным к критике человеком. Скорее всего, он просто узнавал в Сеницыне какие-то свои склонности и радовался тому, что у него самого эти склонности проявляются иначе, благодаря его способностям, разумеется. Получалось, что Соловьёв любил Сеницына за его недостатки. Сеницын отвечал Соловьёву взаимностью. Это был единственный друг Соловьёва, который восхищался его начитанностью; остальные друзья, хоть и знали о любви Соловьёва к книгам, как будто не считали эту любовь серьёзной. Соловьёв был всегда своим в компании, чего нельзя было сказать о Сеницыне, хотя и Сеницын вовсе не был каким-то изгоем. Как уже говорилось, Сеницын умел организовывать различные мероприятия, и за это его уважали.

* * *

В одиннадцать лет Соловьёв впервые попробовал написать стих. Воодушевил его на это разговор с Сеницыным, который, как выяснилось, уже давненько пописывал стишки, но, правда, никому их не зачитывал. И только Соловьёву Сеницын однажды рискнул прочесть один свой стих. Стих был ужасен; рифма в нём была кое-где, размер отсутствовал вовсе, так же как и смысл. Впрочем, Соловьёв, зная своего друга, и не ожидал, что тот способен написать что-то со смыслом. Соловьёв, который уже немного разбирался в том, какими должны быть стихи, сказал, что стих плох, так как настоящим стихам присущи размер и более-менее ясный смысл. На что Сеницын махнул рукой, мол, это всё ерунда, есть много стихов без смысла, и ничего страшного. Соловьёв понимал, что слова Сеницына справедливы, но также он пони-

мал, что Сеницын не способен написать ничего нормального просто потому, что он Сеницын и что Соловьёв его хорошо знает. Вот если бы это написал какой-нибудь знаменитый современный поэт, то Соловьёв, возможно, не рискнул бы назвать стих плохим, а так он позволил себе немного подучить Сеницына, поделиться с ним своими знаниями в области литературы.

– Пушкин всегда писал с размером и со смыслом, поэтому ты тоже должен писать с размером и со смыслом, – заявил Соловьёв.

На такую реакцию Соловьёва Сеницын мог бы обидеться, но этого не произошло. Соловьёв понял это, когда прочитал Сеницыну свой собственный стих под названием «Деревня». Сеницын был в восторге от этого стиха, хотя мог бы назвать его плохим, так же как Соловьёв назвал плохим его собственный стих. Но Сеницын не был обидчивым и мстительным. После того как Сеницын высказал своё одобрение, Соловьёв решил прочитать свой стих учительнице русского языка и литературы. Учительница заулыбалась, когда услышала стих.

– Вообще неплохо, но имеется куча ошибок, – сказала она, после чего начала разбирать стих Соловьёва.

Все замечания учительницы были справедливыми, и Соловьёв это, конечно же, понимал, но всё-таки в свою защиту он сказал:

– Да современные поэты вообще пишут без размера и без рифм.

– Я думаю, Артём, этих поэтов не будут никогда проходить в школе. Меня всегда удивляло то, что так называемые современные поэты пишут свою бредятину и при этом восхищаются Пушкиным или Лермонтовым, стихи которых, слава богу, не имеют ничего общего с творениями современных поэтов. Если я восхищаюсь кем-то, то я всегда буду стремиться быть похожей на предмет своего восторга, а если у меня это не будет получаться, то, значит, я бездарна и, следовательно, мне надо оставить все попытки добиться того, чтобы другие люди восторгались мной. Но так называемые современные поэты так не считают; вместо того чтобы оставить свои попытки, они пытаются стать пушкиными и лермонтовыми, но только не став на них похожими, а став на них максимально непохожими. Вообще эти клоуны смешны. Так что я не советую тебе быть похожим на современных поэтов.

Новоиспечённый поэт сильно расстроился из-за того, что учительница нашла в его стихе кучу ошибок. И хоть он понимал, что ошибки эти являются следствием его невнимательности и творческой недоразвитости, всё же не хотел признавать свою вину. И из-за того, что учительница прочитала монолог, в котором раскритиковала современных поэтов, Соловьёв почувствовал свою связь с этими современными поэтами. Наверняка они не такие плохие, какими кажутся этой училке, подумал Соловьёв. Его не смущало то, что он сам раскритиковал стих Сеницына за то, что тот скорее походил на творения современных поэтов, нежели на творения Пушкина или Лермонтова. Получалось, что его знаний в области стихосложения хватало для того, чтобы почувствовать своё превосходство над Сеницыным, но вот для того, чтобы почувствовать своё превосходство над учительницей или хотя бы равенство с ней, надо было придумывать что-то новое.

Соловьёв ещё не скоро написал свой второй стих.

В своём первом стихе он исправил кучу ошибок, после чего стих стал казаться Соловьёву значительно лучше, но не настолько, чтобы Соловьёв рискнул его прочитать кому-нибудь. Ему не давала покоя мысль, что стих стал лучше благодаря учительнице русского языка, и Соловьёв всё больше подумывал о той сфере, в которой учительнице русского языка делать нечего, в которой он, Соловьёв, будет летать свободно и где его полёт никто не сможет корректировать. Желание властвовать захватило Соловьёва. А желание властвовать – это всего лишь желание защитить себя от напоминаний о том, что ты несовершенен и неполноценен. Соловьёв вспомнил о своих успехах в области естествознания, которые когда-то имели место быть. «Может, мне снова взяться за изучение мира животных, растений и элементарных частиц?» – задумался Соловьёв. Ему в какой-то миг показалось, что путь к совершенству через изучение есте-

ственных наук намного проще. Но проблема была в том, что и на этом пути Соловьёв уже поскользнулся. К тому же в естественных науках было меньше пространства для самостоятельного полёта. Нет, о естественных науках не могло идти и речи. Вот литература предоставляет кучу возможностей всем желающим удовлетворить свою потребность в индивидуальности, обогатить эту индивидуальность различными подробностями, например политическими взглядами, да и вообще кого только нельзя из себя вылепить с помощью этой литературы! Хороших писателей так мало потому, что мало кто из них во время написания своих произведений задумывается о своих героях; практически все писатели думают только о себе. Они боятся написать лишнее слово, лишнее предложение, дабы чем-нибудь не выдать свою истинную сущность, сущность обыкновенного человека. Словосочетание «обыкновенный человек» для них является оскорбительным; конечно же, им всегда кто-то что-то нашёптывает и они выполняют заказы свыше. Несомненно, произведения авторов, пишущих для развлечения публики, находятся ближе к тому, что принято называть Большой литературой, чем произведения авторов, пишущих «по заказу свыше»: всё-таки жадность – незначительный человеческий порок, неспособный сильно изуродовать людей и созданное ими, а вот самолюбование является главным источником людского уродства.

Пушкина и Лермонтова Соловьёв перестал любить, хотя раньше он относился к ним с большим уважением. Только когда он разговаривал с кем-нибудь, кто не разбирался в литературе, Пушкин и Лермонтов приходили Соловьёву на помощь, и он начинал говорить о них даже с восторгом. Но как только находились люди, разбирающиеся в творчестве Пушкина или Лермонтова, Соловьёв сразу же переставал восхищаться этими двумя поэтами.

Соловьёв стал жить мечтами и ожиданиями. Он не сомневался, что когда-нибудь он отправится в свой собственный полёт, иначе же не может быть, не будет же он вечно жить в этом привычном скучном мире. Перед ним когда-нибудь откроется мир больших возможностей, надо только подождать.

* * *

Между тем в компании стали появляться девочки и, соответственно, увеличилась необходимость производить впечатление. До этого Соловьёв в основном производил впечатление в компании тем, что был таким же, как все. Соловьёву эта роль, конечно же, не нравилась, но он боялся, что стоит ему только начать выпячивать свою индивидуальность, как к нему начнут относиться так же, как к Синицыну. Только перед Растворцевым и Синицыным Соловьёв не боялся выпячивать свою индивидуальность. Другим же Соловьёв считал нужным только иногда говорить что-нибудь о книгах, о стихосложении, да и вообще любил Соловьёв иногда напомнить своим друзьям, что он хоть и не сильно отличается от всех, но всё же сделан из другого теста. Он знал, что это может пригодиться: опыт общения с деревенскими ребятами и игры с ними во всякие казаки-разбойники были свежи в памяти Соловьёва.

Но вот как быть с девочками, Соловьёв вообще не понимал. В школе он старался избегать общения с ними; он не считал, что кто-то может им заинтересоваться, да и не так уж сильно он хотел, чтобы им кто-то заинтересовался. Но в одну девочку он всё-таки влюбился без ума. Это была Маша Прохорова, занимавшаяся волейболом. Маша была выше Соловьёва почти на голову, и уже одно это здорово уменьшало шансы Соловьёва на взаимность. Но даже если бы Соловьёв был выше, вряд ли бы Маша Прохорова обратила на него когда-нибудь внимание. По крайней мере, так считал сам Соловьёв. Но он не сильно огорчился по этому поводу; он надеялся только на будущее. В будущем всё должно будет измениться. Не вечно же он будет находиться в тени более высоких ребят. А пока он выбрал конформистскую модель поведения в женском обществе, то есть он вёл себя с девчонками так же, как все другие ребята, – грубо, пошло и цинично. Хотя не таким он был на самом деле! Ему просто пришлось играть по пра-

вилам других людей, так как играть по своим правилам он ещё не был готов. Но воображение подсказывало ему, что потом всё будет по-другому. Правда, оно ничего не говорило ему про Машу Прохорову, как будто не было места возлюбленной Соловьёва в будущем. Впрочем, в будущем Соловьёва, которое рисовало ему воображение, не было места никому, кто знал его нынешним, то есть неполноценным.

К Маше Прохоровой Соловьёв вообще боялся подходить.

Каково же было удивление Соловьёва, когда он узнал от Растворцева, который в свою очередь узнал от одной девчонки, что в него влюбилась Настя Орлова! Соловьёву было, конечно, приятно узнать такую новость, но нельзя сказать, что он так уж сильно обрадовался. Настя Орлова хоть и не была страшной, но с Машей Прохоровой сравниться по красоте не могла. Эта новость придала Соловьёву уверенности. Он помнил, как недавно, шутя, боролся с Настей, которая, вероятно, ожидала того, что Соловьёв её прижмёт к себе, но Соловьёв этого не сделал, а вместо этого ослабил хватку и вообще повернулся спиной к Насте, чувствуя на себе её взгляд. А когда Соловьёв повернулся, он увидел странный блеск в глазах Насти. Соловьёв не сомневался, что именно этот эпизод привёл к тому, что Настя Орлова в него влюбилась. Ему доставляло удовольствие сознание того, что он вёл себя с ней грубо, может, не так грубо, как мог бы повести кто-нибудь другой на его месте, но всё же он с ней боролся, а не разговаривал о книжках. Теперь Соловьёв даже почувствовал на какое-то время своё сходство с другими людьми; чувство неполноценности как будто покинуло на время его. Он такой же, как все! Значит, он может писать простые стихи, как Пушкин или Лермонтов, даже несмотря на то, что эти стихи будут намного хуже! Теперь он может читать любимые приключенческие романы, а не только серьёзную литературу!

Но свобода Соловьёва от жизненных целей длилась недолго. Настя Орлова была хорошей подругой Маши Прохоровой, поэтому Соловьёв не сомневался, что его возлюбленная знает о том, что он любим. И это позволило Соловьёву быть увереннее с Машей. Теперь он не боялся с ней заговаривать, не боялся ей говорить какие-нибудь пошлости и глупости. Но Маша оставалась равнодушной к вниманию Соловьёва. Казалось, её даже удивляло, как её подруга могла влюбиться в Соловьёва.

А вот с Настей Орловой Соловьёв, напротив, боялся заговаривать. Не нравилась она ему, и всё тут. Не нравилась, возможно, именно потому, что была влюблена в него. Соловьёву спустя какое-то время даже стало доставлять удовольствие причинять Насте душевную боль; всем своим видом он стал показывать, что такой парень, как он, никогда в жизни не обратит внимания на такую девчонку, как она. И поэтому он стал хвастать своими литературными знаниями, поэтому стал рассказывать в компании о том, какие книжки ему нравятся. Пускай Настя понимает, что Соловьёв сделан из другого теста и что она ему не пара.

Вскоре Соловьёв обнаружил, что Настя будто охладела к нему. Об этом говорило хотя бы то, что она стала весёлой, много разговаривала с другими ребятами и с Машей Прохоровой, хотя в последнее время с Машей Настя почему-то совсем не разговаривала. И тут Соловьёв начал ревновать, задаваться различными вопросами. Может, он зря пытался своими речами отдалить от себя Настю? Может, не такая уж она и плохая девчонка? Его бесило то, что Настя, казалось, вообще начала удивляться тому, что умудрилась влюбиться в Соловьёва. И как Соловьёву хотелось вернуть её любовь! Но сделать это было невозможно. Из этого случая Соловьёв вынес кое-какой урок – он стал понимать, что его индивидуальность не интересна девушкам, но отказываться от этой индивидуальности он не собирался. Напротив, он стал считать себя особенным. Все эти настыки прохоровы – пустышки; конечно же, где-то есть люди, которые должны оценить его по достоинству. Пока таких людей он не знал, но он не сомневался, что, чтобы обратить на себя их внимание, необходимо действовать.

Юность

В старших классах перед Соловьёвым, так же как и перед всеми его одноклассниками, встали вопросы: в какой институт поступать, какую специальность выбрать, стоит ли вообще учиться дальше? Многие одноклассники Соловьёва записывались на различные курсы, а вот Соловьёв никак не мог определиться. Ему хотелось изучать и литературу, и биологию, и даже экономику, потому что большинство его одноклассников хотели стать именно экономистами и заразили своей идеей даже Соловьёва, никогда не страдавшего стадным чувством. Однако вскоре Соловьёв полностью отбросил мысль об изучении экономики. Конечно же, никакой он не экономист, решил Соловьёв.

По литературе у Соловьёва в старших классах были не очень хорошие отметки, но Соловьёв не расстраивался по этому поводу. Да, он плохо разбирается в произведениях классиков, но эта классика – это же старьё; сейчас так не пишут; современные писатели ищут новые формы, и их идеи настолько глубоки, что, чтобы понять их, нужно обладать поистине мощным разумом и глубокими познаниями в области литературы, которые можно почерпнуть только в стенах университетов. Так считал Соловьёв, всё больше и больше склонявшийся к тому, что литература – это его призвание.

Однако учился Соловьёв в химико-биологическом классе, а не в гуманитарном, но это объяснялось как раз тем, что, учась в гуманитарном классе, необходимо больше читать классики, а Соловьёв классики не любил; он вообще практически не читал художественную литературу в старших классах, по крайней мере в десятом и в первой половине одиннадцатого, и объяснял это тем, что у него слишком мало свободного времени. Только иногда Соловьёв покупал книгу какого-нибудь лауреата Нобелевской премии, на обложке которой так и было написано: «Нобелевская премия такого-то года», и таскал её с собой повсюду. Ему нравилось читать эту книгу в метро, нравилось делать вид, что он получает удовольствие от прочтения этой книги, дабы у других пассажиров не осталось никаких сомнений в том, что Соловьёв обладает утончённым вкусом, схожим со вкусом шведских академиков. Соловьёв чувствовал себя защищённым от всех напастей, когда при других незнакомых людях читал книгу какого-нибудь нобелевского лауреата. Когда Соловьёв замечал кого-нибудь, читающего с увлечённым видом какой-нибудь детектив или любовный роман, на его лице появлялась гримаса презрения, после чего он спешил с умиротворённым видом погрузиться в чтение романа нобелевского лауреата. Однако при своих друзьях Соловьёв боялся доставать книгу нобелевского лауреата, и вовсе не потому, что боялся прослыть книголюбом и ботаником: среди друзей Соловьёва были в основном ребята, относящиеся с пониманием к любым увлечениям своих ближних, а потому, что друзья хорошо знали Соловьёва и понимали, что он хоть и любит читать, но вовсе не является сильно одарённым литератором. К тому же друзья могли задать какой-нибудь вопрос Соловьёву, а Соловьёв этого безумно не любил ещё с тех пор, как он не смог ответить на вопросы дяди Вани и учительницы ознакомления с окружающим миром. Но что ему друзья, не для них же он старался.

В десятом классе Соловьёв написал свой второй стих, а потом и третий, и четвёртый. Стихи были на разные темы. В принципе Соловьёв не смог бы даже сам ответить на вопрос, о чём его стихи. Ему просто казалось, что его стихи хороши, и всё тут. Также Соловьёв написал несколько рассказов, тоже на разные темы; впрочем, тем у рассказов Соловьёва не было вообще, так же как и сюжетов, зато был, как ему самому казалось, изящный стиль и психология. Соловьёв думал, что он пишет о мыслях и чувствах людей.

Стихи он направил в редакцию одного журнала и, позвонив через месяц, узнал, что его стихи прочитали, но ничего не взяли. И как это огорчило Соловьёва! Неужели в этих редакциях сидят одни дураки, недоумевал Соловьёв. Они могут оценивать по достоинству только один

примитив, куда им до серьёзной поэзии. Соловьёва обуяла злость на весь книгоиздательский мир. Ему стало доставлять удовольствие чтение различных комментариев, направленных на оскорбление современных популярных писателей, всех издательств, всей современной российской потребительской культуры. Конечно же, Соловьёв стал ещё больше ассоциировать себя с её величеством Серьёзной литературой. Правда, он читал не сами произведения, а только комментарии к ним.

Что касается рассказов, то их он дал почитать двоюродной сестре Инне. Инна сказала, что рассказы трудно читаются из-за отсутствия композиции и непонятной хронологии.

– Да зачем нужна эта композиция, сюжет, хронология? В Серьёзной литературе всё это не обязательно, – процитировал Соловьёв какого-то комментатора на сайте какой-то электронной библиотеки.

Теперь Соловьёв стал презирать всех писателей, даже из числа классиков, книги которых легко читались. А Инна, которая была первым ориентиром Соловьёва в его путешествии к миру Серьёзной литературы, стала тем, чем была когда-то Маша, – человеком, вкус которого должен являться полной противоположностью вкуса Соловьёва.

В одиннадцатом классе Соловьёв наконец-то определился с тем, куда ему записаться на подготовительные курсы. И выбор его пал на Литературный институт. Ему почему-то было страшно заходить в стены этого здания, когда он шёл записываться. Соловьёв догадывался, что здесь обитают люди, разбирающиеся в русской классической литературе, которую сам он не любил. Но Соловьёв, однако же, не сомневался, что он проявит себя в стенах этого института.

Занятия проходили по вечерам два раза в неделю. Предметами были литература, русский язык, история и так называемая практика, на которой в основном рассказывалась история литературы и изредка давались задания написать что-нибудь на какую-то определённую тему, дабы была возможность поупражняться в писательстве. Больше всего Соловьёв не любил, конечно же, литературу. Его радовало лишь то, что на литературе преподаватель редко его спрашивал по той причине, что в группе было много людей, готовых отвечать на все вопросы. Соловьёв удивлялся тому, что есть так много парней и девчонок его возраста, которые разбираются в русской классике и на самом деле любят её. Ему казалось это ненормальным.

Более-менее легко Соловьёв чувствовал себя тогда, когда проходили «Мёртвые души» Гоголя. И это объяснялось тем, что у Соловьёва была книга, в которой карандашом были написаны подсказки и выделены самые важные моменты; по этой книге занималась его сестра Маша. Отвечая на вопросы преподавателя и выслушивая похвалы в свой адрес, Соловьёв преисполнялся чувством собственной значимости. «Мёртвые души» стали на какой-то момент чуть ли не самой любимой его книгой. И всё благодаря Маше. Но Соловьёв об этом не задумывался.

С практикой Соловьёв тоже не особо дружил, но преподаватель практики был менее строг, чем преподаватель литературы, поэтому Соловьёв не испытывал на практике того страха, который он испытывал, сидя на занятиях по литературе. Соловьёву нравилось в преподавателе практики то, что он всё время повторял, что каждый волен писать то, что захочет, что литература не стоит на месте, что новизна в литературе приветствуется и что есть масса замечательных писателей и поэтов, которые отвергались всеми, но которые в итоге навеки остались в истории литературы, а некоторые даже стали лауреатами Нобелевской премии. Соловьёву слова этого преподавателя казались золотыми. Вот уж кто действительно разбирается в литературе, решил он.

Памятью о словах преподавателя, Соловьёв во время написания работ не сильно утруждал себя размышлениями, не задумывался о логике повествования, да даже грамматические и синтаксические ошибки исправлял неохотно, находя прелесть даже в них. Однако несколько раз преподаватель указывал Соловьёву на вопиющие недочёты в его работах. Соловьёва это обижало; его так и подмывало напомнить преподавателю, что каждый волен писать так, как

считает нужным, и что многие писатели, ставшие великими, подвергались жёсткой критике. Но когда преподаватель указывал Соловьёву на его ошибки, на его лице не было того воодушевления, которое у него было, когда он напутствовал учеников. И Соловьёву казалось, что преподаватель предаёт всех непризнанных гениев и многих лауреатов Нобелевской премии по литературе, которые в глазах Соловьёва стали божествами.

На занятия ходил некий Паша Колосков, который был круглым отличником. Казалось, нет такого произведения ни в русской, ни в зарубежной классической литературе, которого Паша не знал бы. Причём об огромном количестве произведений Колосков говорил в пренебрежительном тоне. Например, когда речь зашла о каком-то нобелевском лауреате, Колосков сказал:

– А то, что он получил Нобелевскую премию, ни о чём не говорит: Нобелевская премия, так же как и все другие литературные премии, всегда обходит стороной самых лучших. А самые лучшие – это, безусловно, те, кого любят все, а не только избранные высоколбые интеллигенты, вернее, люди, которые возомнили себя ими. Но всякие эксперты ни за что в жизни не признаются, что у них точно такой же вкус, как у других людей. Потому что в этом случае люди могут подумать, что академиком-экспертом может стать любой человек, а не только избранный, всесторонне образованный и вообще посланник Божий на Земле. Тщеславие и самолюбование движет всеми этими экспертами. Тщеславию свойственно усложнять наш мир. Да ещё, пожалуй, человеконенавистничество движет всеми этими экспертами, наверное, именно поэтому в среде так называемых интеллигентов популярностью пользуются писатели-идеалисты.

Когда Соловьёв услышал эти слова, он поспешил заступиться за тех, рядом с кем он себя видел в своём воображении:

– А что, значит, самые лучшие писатели – авторы всяких детективов? И что, по-твоему, Маркес или Хемингуэй – это плохие писатели?

– Ой, знаешь, ты говоришь стандартные фразы, которые надо произносить в таких случаях, когда кто-то пытается проникнуть в здание индивидуальности интеллигента и обнаружить там пустоту. Я думаю, у тебя не куриные мозги. как у большинства людей из тех, на которых ты хочешь быть похожим, и можешь понять правильно мои слова.

Соловьёву совсем не хотелось ссориться с Колосковым. Ему его слова нравились, хоть он с ними не был согласен. Нравилась ему форма, а не содержание. Соловьёв не сомневался, что Колосков на самом деле отлично разбирается в литературе, и то, что этот отлично разбирающийся в литературе человек обратился к Соловьёву, было приятно последнему. Подумаешь, у них разные взгляды на литературу, но они же оба ходят на подготовительные курсы в Литературный институт, полемизируют там друг с другом, то есть являются частью некоего мира Большой литературы. У Соловьёва просто своя тактика выживания в рамках этого мира, а у Колоскова, возможно, есть своя.

Особенно Соловьёву понравилось то, что Колосков упомянул словосочетание «куриные мозги». Дело в том, что перед практикой было занятие по литературе, и там преподаватель задал вопрос: почему в доме Коробочки среди изображений птиц висит портрет Кутузова? И Соловьёв легко ответил на этот вопрос, так как в его книжке было написано карандашом «куриные мозги». Преподаватель отметил сообразительность своего ученика. Оказывается, ответ Соловьёва запомнился и Колоскову. И то, что Колосков напомнил Соловьёву о его триумфе на уроке литературы, так польстило последнему, что он даже не заметил, что Колосков намекнул на то, что мозги Соловьёва хоть и не куриные, но в его голове пусто.

– И всё же мне кажется, что каждый образованный человек должен читать нобелевских лауреатов, – пытаюсь скрыть свою радость, сказал Соловьёв.

Колосков на это не стал ничего отвечать. Он вообще как-то смутился; казалось, что он сожалеет, что начал этот разговор. И Соловьёв посчитал, что из этого спора именно он вышел

победителем. Ему не могло прийти в голову, что Колосков смутился оттого, что понял, что у Соловьёва слишком низкий духовный и культурный уровень и вести с ним разговор о чём-либо серьёзном бессмысленно. После этого занятия у Колоскова поубавилось желания ходить дальше на подготовительные курсы, а вот Соловьёв, наоборот, воспрянул духом. Ему показалось, что мир Большой литературы, частью которого он хотел быть, стал ближе к нему после этого занятия. И это только начало.

Что касается занятий по истории, то они Соловьёву нравились, пожалуй, даже больше русского языка, с которым у Соловьёва вообще не было проблем. Преподавательница истории умела всегда интересно рассказывать и заражать учеников своей любовью к истории. Соловьёву даже хотелось порой стать профессиональным историком. Иногда он уже всерьёз задумывался о поступлении на какой-нибудь исторический факультет. Но всё же он отбрасывал эту мысль.

Вообще весь период, в который Соловьёв ходил на подготовительные курсы, стал периодом борьбы между Соловьёвым-историком и Соловьёвым-литературоведом. В этот период Соловьёва не могла оставить равнодушным даже любая надпись на заборе. Когда он читал новости в Интернете, то обращал внимание на грамотность автора, на его стилистику. Правда, когда Соловьёв читал про то, что ему было знакомо, например про Куликовскую битву или ещё про какое-нибудь историческое событие, он как будто переставал ассоциировать себя со словесностью. В нём вдруг неожиданно просыпался историк. И Соловьёву хотелось сделать так, чтобы как можно большее число людей узнало, что он разбирается в истории. И нередко на различных сайтах, в различных блогах и на различных форумах Соловьёв, что называется, дополнял, критиковал, обсуждал исторические вопросы. И не только исторические. Те темы, которые были далеки от истории, Соловьёв частенько пытался направить в историческое русло. Например, когда на спортивной ленте обсуждали предстоящий хоккейный матч Россия-Швеция, Соловьёв писал что-нибудь про Полтавскую битву и так далее. Нередко Соловьёва называли дураком или просили его пойти учить историю. Но ничто не могло поколебать уверенности Соловьёва в своей правоте.

А когда по телевизору кто-нибудь в звании историка или даже доктора исторических наук говорил что-нибудь, что знал Соловьёв, у последнего начинала закипать кровь. Он знает то, что знает авторитетный историк! Соловьёв начинал в этих случаях испытывать то же самое чувство, которое он испытал в деревне, когда прочитал «Гарантийных человечков» и понял, что у него такой же вкус, как у его двоюродной сестры Инны; сейчас у него только были другие авторитеты. Именно в этих случаях Соловьёв всерьёз задумывался о поступлении на какой-нибудь исторический факультет.

Иначе дело обстояло, например, с биологией. Однажды Соловьёв смотрел по телевизору передачу, в которой человек, которого титр называл богословом, пытался критиковать теорию Дарвина, а другой человек, какой-то молодой биолог, утверждал, что только невежды могут в наше время говорить, что теория Дарвина неверна. После просмотра этой передачи у Соловьёва остался неприятный осадок в душе. Соловьёв недоумевал, как до сих пор находятся люди, как этот богослов, смеющие говорить такие заблуждения. И он не завидовал молодому учёному, который взялся доказывать то, что уже давно доказано и не подлежит сомнению. Сам Соловьёв вряд ли когда-то решился бы участвовать в таком споре.

* * *

Очень важный отпечаток на личности Соловьёва оставило его увлечение контркультурой. Началось всё с того, что преподаватель практики рассказал о писателе Кене Кизи и его знаменитом романе «Пролетая над гнездом кукушки». Преподаватель рассказывал с таким вдох-

новением, с каким редко рассказывал о других произведениях. Соловьёв решил обязательно прочитать этот роман. И роман этот ему очень сильно понравился.

Затем Соловьёв решил прочитать других писателей, тоже из поколения хиппи. Другие писатели тоже ему как будто понравились. После этого в сферу интересов Соловьёва вошли современные контркультурные писатели, в том числе и те авторы, которые пишут в Интернете. Соловьёв решил примкнуть к одному контркультурному интернет-сообществу. Члены этого сообщества писали рассказы, герои которых в основном занимались сексуальными извращениями – насилиями над трупами, животными и так далее. Сами участники сообщества не сильно отличались от героев своих рассказов, особенно некоторые. Соловьёву это, конечно, не особо нравилось, но всё же чем-то эти деятели контркультуры ему импонировали. Например, тем, что они не любили так называемую попсу и, напротив, ценили так называемое высокое искусство. Как будто порнография – это высокое искусство! Стадное чувство ими нещадно критиковалось и, напротив, ценилась человеческая индивидуальность. Хотя они сами давным-давно, незаметно для себя, превратились в стадо аморальных звероподобных отбросов общества, которым собственную волю заменил устав так называемого контркультурного деятеля, устав, который обязывал заниматься онанизмом, пьянствовать, употреблять лёгкие наркотики и выступать яростным противником гей-парадов. Возможно, самые сознательные участники сообщества были бы рады выйти из него, но только для этого им надо было примкнуть к какому-нибудь другому сообществу. Что ж поделать, человек чувствует себя слабым и незащищённым, живя вне социума. Вот и Соловьёв не мог жить вне социума, не имея единомышленников. За одну нелюбовь к популярной литературе Соловьёв мог простить и некрофилию, и зоофилию, и прочую порнографию. «Враг моего врага мне друг», – решил Соловьёв.

* * *

Чем меньше времени оставалось до вступительных экзаменов, тем чаще на Соловьёва находили безрадостные мысли. Он боялся предстоящего экзамена по литературе, практического задания. Сможет ли он сочинить что-нибудь толковое? Или приёмная комиссия забракует его работы, так же как забраковала его рассказы Инна? Что, если он не поступит в Литературный институт?

Соловьёв стал искать другие варианты. И он решил, если план А, то есть поступление в Литературный институт, не сработает, попытаться поступить в Педагогический университет на биологический факультет. Почему-то Соловьёв не сомневался, что поступить на биологический факультет ему удастся без особых проблем.

Когда настала пора относить документы в вузы, Соловьёв понял, что в Литературном институте делать ему нечего. Он тупо решил бросить это дело – пытаться поступить в Литературный институт. Удивительно, но он почувствовал неимоверное облегчение, когда решил выбрать для изучения биологию. Входить в стены биологического факультета Соловьёву было совсем не страшно. Но всё же чего-то в этих стенах ему не хватало. Он неплохо разбирался в биологии; его знаний хватало для того, чтобы быть уверенным в том, что биологом ему никогда не стать, да и не так уж сильно ему хотелось им становиться. А вот в стенах Литературного института всё было по-другому. Соловьёв не знал, чего можно ожидать от учёбы там, и именно поэтому его привлекал Литературный институт, привлекал мир Литературы. Но рано или поздно всё становится пресным и привычным, и привлекательное ожидание реальности превращается в унылую реальность. Но Соловьёв, так же как все его ровесники, об этом, конечно же, не думал. Для него только начиналось путешествие в реальность.

Вступительными экзаменами были биология, химия и русский язык. И все экзамены Соловьёв сдал успешно. А по русскому языку он набрал даже больше всего баллов из всего

потока, что дало лишний повод Соловьёву вспомнить Литературный институт и усомниться в правильности выбора учебного заведения. Но дороги назад уже не было.

Первый курс университета стал счастливой порой в жизни Соловьёва. Учёба не отнимала у него много усилий; он вообще к учёбе относился как-то уж слишком несерьёзно, в глубине души понимая бессмысленность почти всего происходящего в стенах университета. Зато появились новые товарищи, впечатления, разочарования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.